

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 393–400
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 393–400
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-393-400>, EDN: PEJGFD

Научная статья
УДК 94(490.44)|17|+929Скопин

Саратовский летописец Г. А. Скопин

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, AuthorID: 512795

Аннотация. Автором первого письменного сочинения, в котором содержатся сведения по истории Саратова, был дьякон Скопин. При публикации оно названо дневником, потому что в нем изредка встречаются сведения из жизни автора. О том, что Скопин составлял не дневник, а летопись, свидетельствует отбор фактов, использование определенных источников, характер изложения. Очень важные события из своей жизни Скопин не внес в повествование, в частности, не написал том, что с ним случилось, когда Саратов был захвачен Пугачевым.

Ключевые слова: городские летописи, провинциальная историография, анкетные обследования, биография Скопина, саратовские священнослужители, документы следствия

Для цитирования: Майорова А. С. Саратовский летописец Г. А. Скопин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 393–400. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-393-400>, EDN: PEJGFD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Saratov chronicler G. A. Skopin

A. S. Mayorova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla S. Mayorova, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, AuthorID: 512795

Abstract. Deacon Skopin authored the first written work containing information on Saratov's history. When published, it was referred to as a diary because it occasionally contains information from the author's life. However, Skopin's compilation is more accurately described as a chronicle, evident from his selection of facts, use of specific sources, and narrative style. Skopin omitted significant events from his life in the narrative. He did not document his experiences during the capture of Saratov by Pugachev.

Keywords: town chronicles, provincial historiography, questionnaire surveys, Skopin's biography, Saratov clergymen, investigative documents

For citation: Mayorova A. S. The Saratov chronicler G. A. Skopin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 393–400 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-393-400>, EDN: PEJGFD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Письменная историческая традиция в Саратове возникла поздно. Ее отсутствие на протяжении XVII в. объясняется условиями существования пограничной крепости, население которой не было стабильным, и даже местоположение города менялось. Остается спорным вопрос о месте основания Саратова – был он основан на правом берегу Волги или на левом. В XVII в. в течение довольно длительного времени – с 1616 до 1674 г. – город находился на левом берегу Волги, а затем был перенесен на правый берег. Об этом, в частности, пишет современный саратовский исследователь Я. Н. Рабинович [1, 2]. С. В. Клейменова учи-

тывает данное обстоятельство в своей работе, посвященной настоятелю одного из местных монастырей Дубенскому [3, с. 81].

Первое сочинение, в котором запечатлены события, происходившие в Саратове и в городской округе, – это летопись, составленная местным священнослужителем Герасимом Алексеевичем Скопиным. В ней отражена жизнь города и его окрестностей с 1762 по 1796 г., т. е. за время царствования Екатерины II [4]. При опубликовании этого сочинения его жанр был определен как «дневник происшествий». Важно заметить, что заглавие у рукописи, с которой была осуществлена публикация, отсутствовало,

о чем сообщает В. П. Соколов в примечании к заголовку сочинения. Наличие в его тексте фактов, которые касались жизни автора и его семьи, послужило основой для публикатора назвать сочинение Скопина дневником. Однако целый ряд особенностей текста уже при подготовке его к печати вызвал сомнения в его «чисто личном» характере. Саратовский историк ХХ в. В. М. Захаров назвал его «своеобразной летописью», заключая этот термин в кавычки [5, с. 3]. Обоснования такого определения жанра источника Захаров не приводит. Особенности так называемого дневника Скопина, которые позволяют отнести его к произведениям летописного жанра, рассматривались некоторыми исследователями [6].

Уточнение отдельных фактов биографии автора «дневника происшествий» подтверждает официальный характер этого сочинения, поскольку очень важные события из жизни Г. А. Скопина не нашли освещения в источнике.

Вопрос о причинах появления саратовской летописи именно в период царствования Екатерины II сам по себе вызывает интерес. Прежде всего следует обратить внимание на значение летописной традиции для развития исторического знания в XVIII в. Летописи имели глубокие корни в духовной жизни восточнославянских земель и были здесь наиболее характерной формой историописания в эпоху Средневековья. В XVII в. летописная традиция, как пишет М. Б. Свердлов, продолжалась в значительно трансформированном виде, по сравнению с предыдущим столетием, а в XVIII в. она существовала уже в условиях формирования литературы и исторической науки [7, с. 62]. Однако летописная форма исторических сочинений оставалась актуальной в России до конца XVIII в. На обширной территории России, а позднее в различных регионах Российской империи она существовала в разных условиях.

Форма и стилистика летописного жанра на территории Украины в XVI–XVII вв. меняется, как пишет Т. В. Войцеховская, под влиянием рационализма и культурных доминант эпохи барокко. Яркими образцами новых по форме и стилю изложения исторических произведений она называет казацкие «летописи» Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко, написанные социальной элитой Гетманщины (Запорожской Сечи) – казацкой старшиной в конце XVII – начале XVIII в. В современной исторической науке «летописи» казацкой старшины характеризуются как сложные многоплановые историко-литературные конструкции [8, с. 168]. Авторы этих произведений использовали, кроме летописных записей предшественников, собственные наблюдения и свидетельства очевидцев, официальные документы, вводили в текст стихи и панегирики. В летописях Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко содержится авторская оценка событий, что

было довольно редким явлением для предыдущих летописей [8, с. 169]. События в казацких «летописях» описываются не погодно, а отдельными рассказами, историями, сказаниями.

В восточной части Русского государства – Сибири – летописание в XVII – начале XVIII в. продолжало развиваться в традиционных формах. В 1636 г. дьяк Тобольского архиерейского дома Савва Есипов завершил Повесть о Сибири и сибирском взятии, которая стала центральным памятником сибирского летописания [9, с. 3]. Затем были осуществлены многократные переработки Основной редакции Есиповской летописи, создана ее Распространенная редакция, Книга записная – старшая разновидность Сибирского летописного свода. Этот летописный свод начал создаваться с середины XVII в. Я. Г. Солодкин пишет, что он возник «как общерусская провинциальная летопись, со значительным массивом “московских” свидетельств». Однако впоследствии свод превращается в сугубо провинциальное летописное сочинение [9, с. 204]. На рубеже XVII–XVIII вв. тобольский сын боярский С. У Ремезов составил Историю Сибирскую [9, с. 3].

Я. Г. Солодкин подчеркивает, что вывод об интенсивном и поступательном развитии летописной традиции в России в XVII в., который был сделан на «общерусском» материале А. Н. Насоновым, В. И. Корецким, В. И. Бугановым, А. П. Богдановым, подтверждается наличием нескольких редакций Сибирского летописного свода [9, с. 206]. Сибирские летописи привлекали внимание многих отечественных историков XX в. Они используются в качестве источников известий разнообразного характера. В частности, Я. Н. Рабинович в своих работах, посвященных саратовским воеводам, обращается к публикациям сибирских летописей. В статье о саратовском воеводе Аверкии Болтине историк использовал сведения одного из летописных сибирских памятников о пребывании его на воеводстве в Томске [10, с. 250]. Точные даты службы А. Болтина в сибирском городе – с 1652 по 1656 г. – устанавливаются не по летописи, а по другим документам.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в Сибири в XVII в. зародилось городское летописание вскоре после того, как Савва Есипов завершил свою Повесть. Вначале оно возникло в Тобольске [9, с. 3]. Позднее вследствие инициативы представителей местных светских и духовных властей краткие повременные записи появляются в Мангазее, Енисейске, Томске, возможно, Верхотурье [9, с. 206].

Саратовская летопись была создана в царствование Екатерины II. А. А. Севастьянова на основе изучения памятников провинциальной историографии XVIII в. пришла к выводу о том, что в екатерининскую эпоху возобновилась традиция «градских летописей». По ее

словам, «старая форма и жанр летописи, как и весь прежний летописный фонд с его традициями и приемами, были единственной готовой нормой в провинции для устремлений местных историков» [11, с. 101].

Одной из важных предпосылок для появления исторических трудов в русской провинции во второй половине XVIII в. А. А. Севастьянова называет формирование «государствоведческой линии развития истории» [11, с. 44]. Ее можно определить как результат фиксирования исторического знания в составе топографических описаний. Возникновение таких описаний связано с развитием статистики, которая рассматривалась как инструмент, необходимый для управления государством, и это обстоятельство определило ее первоначальное название – государственное ведение [12, с. 72–73]. Исследователи называют представителями государственного ведения В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, которые разрабатывали анкеты с целью изучения территории России и ее хозяйства.

А. А. Севастьянова подчеркивает значение анкет, разосланных в 1760 г. для «сочинения в провинциях ранних “топографических известий”» и для развития географо-исторической мысли [11, с. 63]. В фонде Государственного архива Саратовской области сохранился документ, который содержит ответы местных чиновников на одну из анкет 1760-х гг. Он, судя по содержанию, был составлен не ранее 1769 г. [13] и опубликован сотрудниками архива Ю. В. Майоровой и Н. В. Самохваловой, публикации предшествует небольшая статья [14, с. 240–245]. Ее авторы указывают, что Е. Н. Кушева использовала данную анкету в одной из своих работ и пришла к выводу, согласно которому саратовский документ – это ответы на анкету Шляхетского корпуса (она была составлена на основе вопросника Г.-Ф. Миллера) [14, с. 241–242].

Примечательно, что в названном документе нет ответа на поставленный вопрос о времени основания города и о его основателе. Можно предположить, что необходимость заполнения анкет (а в них обязательно были вопросы, касающиеся истории) заставила саратовских чиновников позаботиться о фиксировании местных событий в письменной форме. В середине XVIII в. в Саратове появились влиятельные государственные учреждения. В 1747 г. возникло соляное комиссарство (впоследствии – Низовая соляная контора) [15], а в 1766 г. – Саратовская контора опекунов иностранных поселенцев [16, с. 3]. К чиновникам этих учреждений при составлении упомянутых ответов на анкету обращались их коллеги из воеводской канцелярии, на что указано в тексте ответов. По содержанию летописи Скопина видно, что он получал из саратовских учреждений сведения о содержании присланных в них документов и о событиях, происходивших в России и за рубежом.

Так, в разделе текста за 1771 г. автор сообщает, что 16 января «пробежала почта из Астрахани в Оренбург, чтобы калмык бежавших перенять» [4, с. 6]. Сведения о «побеге калмык» за пределы Российской империи содержались в документе, который не был предназначен для оглашения в церкви. Саратовские чиновники узнали их из служебной переписки и передали местному летописцу. Далее, в разделе за 1772 г. Скопин говорит, что 5 ноября «видел письмо от государыни к Орлову, чтобы ему именовать князем по присланному от римского цезаря диплому» [4, с. 8]. Этот документ также не предназначался для оглашения в церкви, следовательно, и в данном случае Скопина ознакомили с ним в одном из местных учреждений. Саратовскому летописцу сообщали также сведения, полученные в частной переписке. В разделе за 1777 г. читаем: «Партикулярно писано из Петербурга, что было там наводнение великое с моря и великий ветер прошлого сентября 3 дня, вода была против [1]752 [года] пять четвертей более...» [4, с. 15].

Инициативу создания саратовской летописи, очевидно, поддерживала Астраханская епархия. Возложение каких-либо обязанностей на лиц духовного звания являлось прерогативой церковных властей. Причинами, по которым дьячок Герасим Алексеевич был избран для ведения местной летописи, можно назвать его личные качества. В. П. Соколов рассмотрел сохранившиеся устные свидетельства и тексты его сочинений (о втором сочинении Скопина «Дневной записке пешеходца» будет сказано далее). На их основании биограф сделал вывод, согласно которому Скопин отличался «замечательной любознательностью» и «самой искренней неподдельной любовью к тогдашней прессе и науке». Очевидно, из семейных преданий В. П. Соколов узнал, что Скопин выписывал для себя «газеты и много книг», начиная с 1760 г., много читал. Чтение это было целенаправленным, поскольку он делал выписки из научной литературы, «которые служили ему чем-то вроде справочной книги по вопросам науки и общегосударственной жизни», – отмечает В. П. Соколов [17, с. III]. Биограф пишет, что дьячок Скопин «представлял собой в среде современного ему духовенства явление едва ли не исключительное» [17, с. IV].

Епархиальная кафедра имела возможность ознакомить саратовского дьякона с летописями, которые послужили для Скопина образцами при составлении его сочинения в этом жанре. В XVII в. в Астрахани велась летопись астраханского Троицкого монастыря, был составлен хронограф астраханского архиепископа Пахомия, создан Золотаревский летописец. По замечанию А. Л. Клейтмана, на протяжении большей части XVIII столетия летописи в Астрахани не велась [18, с. 9].

Произведение, известное как Золотаревский летописец, не является летописью в полном смысле слова – его содержание охватывает незначительный период времени, поэтому при последней публикации оно получило наименование «Летописное сказание». Данное произведение, составленное в 1679 г., было опубликовано несколько раз в XIX в., а в XX в. издано под названием «Летописное сказание Петра Золотарева» [19]. В нем описаны события, происходившие в Астрахани с мая 1667 г., когда Степан Разин со своими казаками «переволокся» с Дона на Волгу по р. Камышенке до ноября 1671 г., когда в Астрахань вошел отряд боярина И. Б. Милославского.

А. А. Севастьянова считает, что в сохранившемся позднем городском летописании можно назвать около 20 «главных сочинений», которые следует отнести к «градским историям», созданным в традициях хроникального изложения [11, с. 75]. Ею привлекались к анализу именно городские летописцы второй половины XVIII в. А. А. Севастьянова выделяет критерии для причисления рассматриваемых сочинений к летописным памятникам. В первую очередь она принимает во внимание включение в текст повествования событий «не только текущих, но и уже прошедших» [11, с. 76].

В содержании сочинения Скопина отсутствуют сведения по истории Саратова до 1762 г. Поэтому оно не может быть признано «полноценной» летописью. Однако отбор фактов, использование определенных источников, характер изложения, отсутствие оценочных суждений и почти полное устранение авторского «я» в тексте показывают, что Скопин составлял именно летопись, а не дневник. В его распоряжении не было письменных свидетельств о событиях в Саратове до начала 60-х гг. XVIII в., он создавал летопись для будущих поколений местных историков.

Очерк жизни Г. А. Скопина был написан В. П. Соколовым и помещен в предисловии к публикации его сочинения [17]. Автор очерка воспользовался текстом самого Скопина для описания событий его жизни и для его характеристики. Кроме того, Соколов привлек и другие материалы. Биограф мог получить сведения от его внучки, которая ко времени опубликования летописи достигла преклонного возраста – 87 лет – и проживала в Саратове [20, с. XXV]. Вероятно, на основании официальных источников В. П. Соколов указал даты жизни Скопина – 1746–1797 гг. и отметил некоторые его служебные перемещения.

Большую часть своей жизни Скопин служил в саратовских церквях, занимая низшую должность в иерархии священнослужителей: был дьячком, а затем – дьяконом, службу свою начал в 14-летнем возрасте при Крестовоздвиженской

церкви. В. П. Соколов писал, что Скопин прослужил при этой церкви с 1760 по 1789 г., после чего был рукоположен в диакона в Сергиевской церкви [17, с. I]. Однако в самом тексте летописи ее автор указывает иную дату своего «определения к Сергию», которое состоялось еще до посвящения его в диакона – 1775 г. [4, с. 12]. Очевидно, вначале он служил в ней в качестве дьячка. О посвящении его в диакона в ту же Сергиевскую церковь он упоминает 1789 г. [4, с. 30].

На основании сведений, почерпнутых Соколовым из текста Скопина, в 1791 г. он был рукоположен в священника к Саратовской Спасо-преображенской церкви. Биограф пишет, что Скопин служил в ней «до самой кончины своей» [17, с. I]. Однако в тексте летописи имеются указания на перемещения ее автора к другим местам служения. В 1792 г. он был переведен в Казанскую церковь [4, с. 33], а в 1794 г. – в Вознесенскую [4, с. 35]. Тот факт, что Герасим Алексеевич действительно служил в Вознесенской церкви, подтверждается в примечании к составленной В. П. Соколовым биографии Скопина: «Из газет доселе сохранился (sic!) в архиве Герасима Ал^{ек}сеевича два №№ (35 и 36) «Московских ведомостей» от 30 апр^{еля}, 3 мая 1796 г. На первой странице на полях написано: «Сии Губернские Ведомости» следуют в губернский город Саратов Вознесенской церкви священнику Герасиму Алексеевичу Скопину»». В этом же примечании В. П. Соколов высказывает предположение, что адрес был написан, видимо, в редакции газеты и подчеркивает, что в тексте сочинения Скопина упоминается о получении им газет [4, с. III]. Биограф не обратил внимания как на эти сведения, так и на перемещения, которые были указаны самим автором летописи. Можно сказать, что В. П. Соколов не очень внимательно отнесся к изменениям в службе Скопина. Подтвердить тот факт, что с 1760 г. по 1775 г. он постоянно находился при Крестовоздвиженской церкви, на основании имеющихся сведений нет возможности.

Тем не менее биографический очерк, составленный В. П. Соколовым, представляет огромный интерес, так как источники к биографии Скопина не сохранились (фонд консистории был уничтожен в конце XIX в.). Рукопись сочинения «Дневник происшествий» после единственной публикации исчезла из поля зрения исследователей.

Определение жанра данного произведения было сделано А. Ф. Леопольдовым, который первым из саратовских историков обратился к его тексту. В «Историческом очерке Саратовского края» А. Ф. Леопольдова рукопись Скопина названа «ежедневными записками о разных предметах...саратовского священника Герасима Скопина» [21, с. 92]. В «Историческом очерке

Саратова и Пугачевщины» она охарактеризована как «дневник... смиренного дьяка Скопина» [22, с. 10]. В. П. Соколовым были высказаны сомнения относительно определения жанра этого сочинения. Он отметил, что название дневника не слишком к нему подходит. В. П. Соколов пишет, что «семейные обстоятельства» автора фиксированы в тексте «лишь отчасти» [17, с. V]. Это замечание справедливо.

Скопин упоминает собственную женитьбу, не называя имени своей жены. В тексте встречаются заметки о рождении в семье детей. Здесь, наоборот, называются имена без пояснений, что это сын или дочь самого Скопина. Таким же образом он сообщает и о смерти детей. Даты «преставления» своей матери, тестя и тещи также внесены автором в ткань повествования. К сожалению, из-за отсутствия примечаний публикаторов невозможно сказать, в какой части текста они находились, т. е. в основном тексте или в качестве приписок на полях. Упоминает Скопин и «определение» в Астраханскую семинарию собственного сына Николая и его женитьбу.

Все поездки автора повествования в Астрахань тоже внесены в текст, поскольку это были, скорее всего, посещения епархиального начальства (Саратов тогда относился к Астраханской епархии). Перемещения по службе Скопина фиксированы (вероятно, не полностью), включая и рукоположение в священники. Из других событий личной жизни он упоминает свои пешие путешествия в Киев, к святым местам, свой переезд «в новую избу» в 1784 г., а также получение в подарок многотомного собрания проповедей Платона. Очевидно, имеется в виду издание «Поучительные слова» Платона (Левшина), который с 1770 г. был архиепископом, а с 1787 г. – митрополитом. Было осуществлено несколько изданий его «Поучительных слов» [23, с. 422–430].

Следует подчеркнуть, что в те дни или месяцы, когда Скопин отсутствовал в Саратове (во время поездок по распоряжению начальства или паломнических путешествий в Киев), он описывал не то, что наблюдал за пределами города, а то, что происходило в Саратове. После открытия губернии в 1781 г. он включал в свое повествование события на территории губернии. Особого внимания заслуживает отсутствие рассказа о его собственном участии в событиях, которые происходили в Саратове в августе 1774 г., когда город был захвачен Пугачевым. Они стали началом тяжелого периода в его жизни. Сведения об этом находим в документах, которые сохранились в Государственном архиве Саратовской области. Отсутствие данных сведений в сочинении Скопина свидетельствует о том, что автор стремился фиксировать только официальную версию этих событий. Личное участие Скопина в них отражено в летописи опосредованно.

В целом повествование Скопина вполне согласуется с летописной традицией и весьма близко к составленным в XVIII в. городским летописям, в частности, к тем разделам Двинского летописца [24, с. 165–231] и летописца Льва Вологодина, которые относятся к этому столетию [25, с. 127–159]. Подобно авторам названных произведений Скопин видел свою задачу в отражении событий местного масштаба на фоне и в связи с жизнью всего государства.

В повествовании Скопина неизменно отмечалось все, что было связано с жизнью императорской фамилии и, соответственно, богослужениями, которые совершались в таких случаях. Столь же внимательно фиксировал саратовский летописец то, что удавалось ему узнать из официальных и из неофициальных источников о военных действиях в Азии и в Европе во время войн, которые вела Россия. Скопин передает вкратце и содержание разнообразных указов, которые поступали в Саратов из столицы. Основное его внимание обращено на факты, относящиеся к истории Саратова. И здесь почетное место занимают сведения официального характера: смена воевод, начальников Низовой соляной конторы и конторы иностранных поселенцев, возведение Саратова в ранг губернского города и открытие губернии, смена губернаторов, посещение города должностными лицами из столиц и высокопоставленными духовными особами.

Трагические события августа 1774 г., когда саратовцы сдались Пугачеву, описаны Скопным очень кратко. Сравнение текста источника с теми сведениями, которые содержатся в сохранившихся документах, свидетельствует о том, что он многое видел и много претерпел после ухода пугачевцев из города. Однако о своем участии в событиях Скопин не пишет. В тексте летописи сказано, что 6 августа 1774 г. «вор и бунтовщик Пугачев в Саратов пришел, и весь разграбил и многих побил до смерти, а комендант с командою ушел, отбился, а Салманов [майор] отдался с командою злодею». Далее идет сообщение о том, что 8 августа Пугачев ушел из города «на низ» [4, с. 10].

Подробности этих событий можно узнать из доношения, отосланного к астраханскому епископу Мефодию из саратовского духовного правления [26]. 6 августа пугачевцы ворвались в Саратов, согнали жителей на Соколову гору и в их присутствии учинили казни «разных чинов людей». 7 августа с утра казаки разъезжали по Саратову с распоряжением, чтобы «обыватели и вся чернь» шли в лагерь Пугачева. Казаки требовали, чтобы духовные лица Саратова явились в лагерь «с крестом и образами». Священнослужители, испугавшись угроз, которые слышали от казаков, пошли в лагерь Пугачева с образами, с крестом и Евангелием. Там было еще «множество народа».

В доношении описано, как перед народом явился Пугачев и как были «читаны два указа», о содержании которых авторы документа якобы не могли вспомнить. На следующий день в духовное правление Саратова из лагеря Пугачева была передана записка. В ней содержался текст – как «поминаль о здравии» лиц императорской фамилии во время литургии: «Благочестивейшего и самодержавнейшего великого государя императора Петра Феодоровича и супругу его благоверную государыню императрицу Иустинью Петровну». Далее были названы имена наследника цесаревича Павла Петровича и его супруги Натальи Алексеевны [26, с. 25]. Членам саратовского духовного правления пугачевцы угрожали каким-то наказанием, если священнослужители не будут молиться о здравии Петра III. Об угрозах в доношении нет конкретной информации. С 9 по 11 августа в саратовских церквях провозглашали многолетие по записке, полученной из лагеря Пугачева.

Интересные подробности о том, что происходило в Саратове с 6 до 11 августа, описаны в том же доношении. Перед тем, как сказать о разорении «домов всех жителей», разграблении «казенных сумм» и уничтожении «всяких дел» в учреждениях, авторы доношения не преминули сообщить, что «выходы с казенным вином и все питейные дома растворены были, брать соль, а в магазинах хлеб дана была всем вольность, сколько кто может, безвозбранно бери и довольствуйся» [26, с. 27]. В повествовании Скопина данные подробности отсутствуют. После сообщения об уходе Пугачева 8 августа из города он пишет, что 11 августа в Саратов начали прибывать команды правительственных войск и называет имена их командиров [4, с. 10].

Из записки Скопина о более поздних событиях все-таки можно узнать о том, что саратовское духовенство участвовало в торжественной встрече Пугачева и что на литургиях молились за здравие Петра III. 18 сентября 1774 г., как сказано в летописи, «Саратовское духовенство все посажено под караул за встречу Пугачеву, а кто его имя поминал на службе, те острижены и посажены в острог» [4, с. 10]. Так косвенно Скопин обозначает свое участие в торжественной встрече Пугачева и арест, которому он подвергся.

По определению Синода от 20 августа 1774 г. духовные лица Саратова должны были быть лишены священнического чина и преданы гражданскому суду [27, л. 39 об.]. В следственных материалах сказано, что «все саратовское духовенство» ходило на поклон «в стан злодейской» [27, л. 51]. По первоначальному подсчету их было 60 чел. [27, л. 53 об.]. Саратовские священнослужители были «взяты к следствию под караул» по приказу генерал-аншефа П. И. Панина [27, л. 51 об.].

О том, что Скопин действительно участвовал во встрече Пугачева, известно из допросных

речей. Сохранились подлинники ответов духовных лиц во время следствия, среди них – ответы Скопина. Он был допрошен 22 сентября 1774 г. В подлинной записке допросных речей имеется его собственноручная подпись: «К сему допросу Герасим Алексеев руку приложил». Из документа видно, что во время взятия Пугачевым Саратова он был дьячком Вознесенской церкви. На допросе Герасим Алексеевич показал, что ходил «со крестами к злодею Пугачеву в ставку», а 9 августа был на «благодарном молебне» о «взятые города Нарвы» в Троицком соборе и «поминование на возгласе дьякона Сергея Иванова имя Петра Третьего слышал» [27, л. 16].

Дьячок Вознесенской церкви Герасим Алексеев вполне может быть идентифицирован с Герасимом Алексеевичем Скопиным. Среди допрошенных духовных лиц Саратова второго человека с таким именем не было. Саратовский летописец, очевидно, стал известен под фамилией Скопин после того, как фамилия была присвоена его сыну Николаю при поступлении его в Астраханскую духовную семинарию. Упомянутая в летописи под 1789 г. о женитьбе сына он называет его фамилию – Скопин [4, с. 30].

Саратовский летописец подвергся наказанию наряду с другими священнослужителями города, хотя лично о себе он в летописи не пишет, а лишь сообщает, что 6 мая 1775 г. «саратовских священно- и церковнослужителей лишили всех чинов и разрешили от проклятия». 8 июля их выслали в Астрахань. Все это время духовные лица продолжали содержаться под арестом. Примечательно, что, находясь в заключении, Скопин не прерывал записей о событиях, происходивших в Саратове. В начале августа последовало распоряжение о помиловании саратовского духовенства. 5 августа 1775 г. «священство саратовское и во всей епархии прощены, которые были лишены сана по Пугачеву делу...» [4, с. 11–12]. Очевидно, это было связано с публикацией «милостивого манифеста» императрицы. Повествуя о «прощении», Скопин упоминает в летописи о собственной судьбе. Как всегда, в подобных случаях он пишет не от первого лица: 9 сентября «из Астрахани выехал, определенным к Сергию» (т. е. к Сергиевской церкви) [4, с. 12].

Таким образом, в сочинении Скопина отсутствуют подробности событий, которые он наблюдал во время захвата пугачевцами Саратова и в которых сам участвовал. О том, что он давал показания на следствии, автор летописи не упоминает. О пребывании его в заключении вместе с другими «впадшими в преступление» духовными лицами можно догадаться только по косвенным указаниям в тексте. Эти особенности повествования Скопина свидетельствуют об официальном характере составленного им документа, который изначально должен был выполнять функцию летописи.

Отметим, что Г. А. Скопин хорошо представил разницу между личным дневником и официальной летописью, это видно по опубликованному в том же «Саратовском историческом сборнике» дневнику его путешествия к святым местам в Киев. Он носит название «Дневная записка пешеходца саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова» [28]. Название приведено публикаторами без оговорок. Это обстоятельство позволяет полагать, что здесь дано авторское наименование текста. В нем описывается путешествие в Киев, совершенное Скопиным летом 1787 г. Публикация воспроизводит только ту часть текста, которая касается происшествий по дороге в Киев.

При описании своего путешествия к святым местам Скопин вел повествование от первого лица, и главная цель автора здесь – фиксирование многообразных личных впечатлений и наблюдений. В текст включены все подробности походного быта, встречи с людьми, рассуждения морального характера по поводу всяких происшествий. Следовательно, «дневная записка», дневник для Скопина – вполне определенный жанр, существенно отличающийся от официальной летописи, которую он вел в Саратове. Недаром Скопин не внес в городскую летопись никаких подробностей о своих путешествиях к святым местам, а только упоминал о них.

Наличие в опубликованном тексте летописи Скопина немногочисленных сведений из его собственной жизни может объясняться тем, что данный текст не был окончательным «чистовым» вариантом его сочинения. На данное обстоятельство может указывать отсутствие заглавия в рукописи, с которой осуществлена публикация. Так, В. П. Соколов предположил, что Г. А. Скопин «вел еще и другие записки, обнимавшие собой период в 30 лет. В этих записках заключались сведения, касавшиеся исключительно общественной жизни Саратова и необычайных явлений в природе физической и нравственной» [17, с. VIII].

Предположение Соколова, возможно, основано на высказывании А. Ф. Леопольдова, которое содержится в его «Историческом очерке Саратовского края». Там имеется указание на то, что он использовал «записки» Скопина, «которые вел их постоянно около 30 лет» [21, с. 92]. Леопольдов почерпнул из них описания необычных природных явлений за 1762–1770 гг., о которых повествовал Скопин. Рассказ Леопольдова содержит подробности, которых нет в опубликованном тексте летописи. Это дает основание предположить, что существовал другой вариант ее текста, именно он и был использован Леопольдовым. Этот окончательный вариант, вероятно, содержал сведения «касавшиеся исключительно общественной жизни Саратова», как предполагал

В. П. Соколов. Обстоятельства личной жизни автора в нем отсутствовали.

Несмотря на то, что текст сочинения Скопина дошел до нас только в опубликованном варианте, который не был окончательным, основные его особенности свидетельствуют о том, что его автор составлял летопись, повествующую о жизни Саратова и его окружи. Наличие опубликованной «Дневной записки пешеходца» этого же автора показывает, что Скопин хорошо понимал разницу между дневником и летописью.

Список литературы

1. Рабинович Я. Н. К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-2-237-244>
2. Рабинович Я. Н. «Новая саратовская летопись» о событиях 1616–1641 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 104–109.
3. Клеймёнова С. В. «Я на Саратове в печалех своих обретаюсь...»: Павел (Паисий) Дубенской // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 79–83. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-79-83>
4. [Скопин Г. А.] Дневник происшествий Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. [1], III, VIII, 592 с., 1 портр. С. 1–40.
5. Захаров В. М. Саратовская ученая архивная комиссия и ее преемники: Саратовская ученая архивная комиссия в 80–90-е гг. XIX в. Балашов : Печатное агентство «Спектр», 2002. 122 с.
6. Майорова А. С. История города в контексте истории государства (Саратовская городская летопись второй половины XVIII века) // Историографический сборник : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21 / отв. ред. С. А. Мезин. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. С. 80–101.
7. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб. : Нестор-История, 2011. 916 с.
8. Войцеховская Т. В. Трансформация летописного жанра в раннемодерную эпоху на территории Гетманщины // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии (Витебск, 25–27 апреля 2019 г.) / отв. ред. М. Ф. Румянцев. Витебск : Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2019. С. 168–170.
9. Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй

- половины XVII века. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. 211 с.
10. Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Аверкий Федорович Болтин (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>
 11. Севастьянова А. А. История и историки в провинции и в столицах : сборник трудов по истории, историографии и регионоведению России XVIII–XX веков. М. : Квадрига, 2020. 368 с.
 12. Соколов Я. В., Еременко Т. В. Первая научная парадигма статистики // Вопросы статистики. 2011. № 1. С. 71–74.
 13. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407 (Саратовская губернская ученая архивная комиссия). Оп. 2. Д. 1555.
 14. Майорова Ю. В., Самохвалова Н. В. Саратов второй половины XVIII в. в ответах на неизвестную анкету // Саратовский краеведческий сборник : научные труды и публикации / ред. В. Н. Данилов. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2005. Вып. 2. С. 240–245.
 15. Гераклитов А. А. Учреждение в Саратове соляного комиссарства (1747 г.) // Труды СУАК. 1911. Вып. 28. С. 1–37.
 16. Плева И. Р., Гусакова З. Е. Предисловие // Аннотированная опись Саратовской конторы иностранных поселенцев : в 2 т. Т. 1. М. : Готика, 2000. С. 3–8.
 17. Соколов В. П. Священник Герасим Алексеевич Скопин // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. С. I–VIII.
 18. Клейтман А. Л. Изучение проблем экономики, истории и культуры Нижнего Поволжья в научной мысли России конца XVIII – начала XX вв. СПб. : Нестор-История, 2018. 208 с.
 19. Летописное сказание Петра Золотарева // Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М. : Наука, 1968. С. 206–233.
 20. Соколов В. П. Протоиерей Николай Герасимович Скопин // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. [1], III, VIII, 592 с., 1 портр. С. IX–XXXIX.
 21. [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. М. : В типографии С. Селивановского, 1848. 195 с.
 22. [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратова и Пугачевщины. Сочинение А. Леопольдова. Изд. второе. Саратов : Типография Ищенко, 1874. 66 с.
 23. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 : в 5 т. Т. 2 : К–П. М. : Издание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1964. 514 с.
 24. Двинской летописец. Пространная редакция // ПСРЛ. Т. 33 : Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 165–231.
 25. Летописец Льва Вологодина // ПСРЛ. Т. 37 : Устюжские и вологодские летописи. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 127–159.
 26. Доношение присутствующих протопопов Саратовского духовного правления Алексея Иродионова и Онисима Герасимова епископу Астраханскому и Ставропольскому Мефодию // Майорова А. С. Саратов во время пугачевского восстания : сборник документов для семинарских занятий по истории Саратовского края. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. С. 24–29.
 27. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1361.
 28. [Скопин Г. А.] Дневная записка пешеходца саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. [1], III, VIII, 592 с., 1 портр. С. 41–74.

Поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024